

З. Г. РОЗОВА

«НОВАЯ ЭЛОИЗА» РУССО И «БЕДНАЯ ЛИЗА» КАРАМЗИНА

Чистая высокая слава Карамзина
принадлежит России.

Пушкин

Многие коренные проблемы творчества Карамзина остаются неразработанными, и среди них вопрос о значении для него Руссо. Специальных работ по этой теме нет. В ограниченных рамках университетских пособий по истории русской литературы об отношении творчества Карамзина к творчеству Руссо говорится в общих чертах как о факте общепризнанном. Между тем многие приемы Карамзина в области нового литературного жанра — психологической повести — непосредственно связаны с художественными методами и новаторством Руссо в романе «Новая Элоиза». Встречаются у Карамзина и прямые заимствования из этого романа.

Карамзин искренно признается в своей симпатии к Руссо за то, что «в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия».¹ Путешествуя по Швейцарии, Карамзин «с Руссовою „Элоизою“ в руках» совершает паломничество в Веве, в «те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников» — Юлию и Сен-Пре. «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с Вами его „Элоизу“, — говорит он. — Хотя в сем романе много неестественного, много увеличенного — одним словом, много *романического*, — однако ж на французском языке никто не описывал любви такими яр-

¹ Что нужно автору. В кн.: Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. II. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 122.

кими, живыми красками, какими она в „Элоизе“ описана — в „Элоизе“, без которой не существовал бы и немецкий „Вертер“». ² Но с героем «Новой Элоизы» Сен-Пре имеет связь не только Вертер, но и другие герои западных романов — Адольф Б. Констана, Октав А. Мюссе, а у нас — Эраст Карамзина, а при посредстве Эраста — Онегин, Печорин и другие разочарованные герои русской литературы. ³

Появление «Новой Элоизы» оставило глубокий след в мировой литературе, а ее успех во Франции превзошел всякие ожидания. Особенный успех имел роман у женщин. ⁴

Не меньшее впечатление произвел этот роман и на русское образованное общество конца XVIII—начала XIX в. ⁵ «Защитник вольности и прав», Руссо был у нас тогда «в большой чести». Ф. Эмин подражал «Новой Элоизе» в «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766). Идеи Руссо витали в воздухе. Радищев и Карамзин пропагандировали их. Творение Руссо и Карамзина юный Пушкин поставил рядом в своем «уголке» («Городок», 1814). Женщины зачитывались письмами Юлии и Сен-Пре, знали их наизусть. Роман нравился, герои его вызывали сочувствие и подражание. Карамзин и Пушкин свидетельствуют об этом. У Карамзина графиня Эмилия говорит: «Не будучи, к счастью, Руссовою Юлиею, я предпочла бы нежного Сен-Пре слишком благоразумному Вольмару и, несмотря на разницу в летах, умела бы обожать своего мужа, если б он был... хотя Вольмаром». ⁶ Муж Эмилии, равнодушный «стойк» — граф Миров, отчасти напоминает Вольмара.

² Письма русского путешественника. В кн.: Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, стр. 277—279. — Курсив Карамзина. Курсив автора в статье особо не оговаривается.

³ См.: П. В. Владимиров. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Университетские известия, 1899, май, стр. 22; А. А. Кайев. Русская литература. Учпедгиз, М., 1953, стр. 579.

⁴ «Новая Элоиза» опубликована была в начале 1761 г. сразу в двух изданиях — в Амстердаме и в Париже — под длинным заглавием «Юлия или Новая Элоиза. Письма двух любовников, живущих в маленьком городке у подножия Альп. Собраны и изданы Жан-Жаком Руссо» (Julie ou la Nouvelle Héloïse, ou lettres de deux amants, habitants d'une petite ville au pied des Alpes, recueillies et publiées par Jean-Jacques Rousseau). Далее цитируем по изданию 1826 г.: Oeuvres complètes de J. J. Rousseau. Paris, tt. VIII, IX, X, — указывая в тексте часть романа, номер письма по порядку и страницу.

⁵ Первое издание «Новой Элоизы» на русском языке появилось в 1769 г. В 1792 г. был опубликован второй перевод. В XIX в. «Новая Элоиза» также переводилась дважды. См.: Жан-Жак Руссо, Избранные сочинения, т. 2. Госиздат, М., 1961, стр. 740.

⁶ Рыцарь нашего времени. В кн.: Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, стр. 775.

Герои Пушкина — Онегин, Бурмин, Дубровский — объясняются в любви изысканным стилем Сен-Пре; его героини — Полина, Татьяна — знают Руссо «наизусть». Они подражают Юлии и Сен-Пре в любовной переписке и в собственных романтических приключениях (Татьяна, Маша Троекурова, Марья Гавриловна из «Метели»).

Подлинная человеческая трагедия двух разлученных любовников — Абельяра и Элоизы — вдохновляла Руссо, когда он писал свой роман. В нем Клара сравнивает Юлию с Элоизой (NH, IV, XXIII, 337), а Сен-Пре боится походить на соблазнителя Абельяра (NH, I, XXIV, 130). Самое название «Новая Элоиза» должно было напомнить читателю о сходстве в положении ее «героев с трагической судьбой средневековой любящей четы».⁷ Клерикальные препятствия, которые губят счастье Абельяра и Элоизы, Руссо в своем романе заменил сословными предрассудками. В основе романа — социальный конфликт: любовь плебея и дворянки. Бездомный скиталец («un quidam sans asile»), пылкий мечтатель Сен-Пре, учитель в аристократическом доме баронов d'Etange, влюбляется в свою ученицу Юлию и соблазняет ее. Суровый отец разлучает их и выдает дочь за дворянина Вольмара. Победив свою страсть, герои снова встречаются через несколько лет. Добродетель их снова подвергается опасному искушению. Руссо спасает честь своей героини искусственной развязкой — смертью Юлии.

Характеры героев у Руссо напоминают их средневековых предшественников — Абельяра и Элоизу. Сен-Пре пассивен, как Абельяр; Юлия более решительна. Она, «подобно Элоизе, выступает в роли утешительницы и наставницы по отношению к своему учителю „философу“ Сен-Пре, слабохарактерному и непоследовательному в любви и добродетели».⁸ Связь героев Руссо с Абельяром и Элоизой отразилась не только на их характеристике, но и на характере их русских литературных потомков. Сен-Пре слаб, легко поддается хорошим и дурным влияниям, легко жалуется на судьбу. Легкомысленно изменяет Юлии со случайными женщинами. Словом, Сен-Пре — обыкновенный человек со всеми человеческими слабостями; несмотря на это, он был симпатичен читательницам своей искренно-

⁷ Пьер Абельяр (1079—1143) — известный философ-теолог — вопреки клерикальным запретам вступил в тайный брак со своей любимой ученицей Элоизой (1102—1164) и был с ней насильственно разлучен.

⁸ Ж.-Ж. Руссо, Избранные сочинения, т. 2, стр. 733.

стью. Г-жа де Сталь не считает его «развратителем». Сен-Пре, по ее мнению, не употребляет другого орудия, кроме искренности и любви.⁹ Этот тип симпатичного и опасного соблазителя создал в русской литературе, начиная с карамзинского Эраста, предшественника Онегина и Печорина, целый ряд далеких подобий, разочарованных, легкомысленных и непоследовательных, как и он.¹⁰

В противоположность герою Руссо Юлия, подобно своему прообразу — Элоизе, невинная и грешная, царит в романе на пьедестале добродетели. Она мечтает о чистой любви, но уступает страсти. В браке остается верной супружескому долгу. Героиня Руссо превосходит героя своей моральной стойкостью. Это моральное превосходство героини сохраняется и в «Бедной Лизе» Карамзина, и само имя ее Лиза становится популярным в нашей художественной литературе XIX в.

По мнению г-жи де Сталь, Руссо изобразил в своем романе «страсть и добродетель в противоположности и в гармонии».¹¹ Карамзин же обе эти проблемы представил отдельно: страсть и добродетель в противоречии — в повести «Бедная Лиза», и страсть и добродетель в гармонии — в повести «Наталья, боярская дочь».

«Новая Элоиза» изображала героиню в двух аспектах: девушки, борющейся за права и свободу своего сердца, и жертвы, обольщенной и раскаивающейся в своем падении, жалуемой на несовершенство и слабости своего соблазителя. Карамзин представил эти два духовных облика Юлии в двух самостоятельных художественных образах — Натальи и Лизы.

В основе повести «Бедная Лиза» жизненная трагедия обольщенной дворянином девушки из народа. Этот традиционный для европейского сентиментализма сюжет «под пером Карамзина приобрел глубокое эмоциональное содержание. „Бедная Лиза“ (1792) знаменовала рождение русской психологической повести; в ней намечалась психологически углубленная обрисовка характеров».¹²

⁹ *Lettres sur les écrits de Rousseau (1788)*. In: *Oeuvres complètes de Mme la baronne de Staël-Holstein*, t. I. Paris, 1838, p. 7.

¹⁰ Разоблачение слабых сторон разочарованного героя у Пушкина (Онегин), да и у Карамзина (Эраст) идет от самого Руссо, который и породил этот тип. Руссо весьма скептически относится к красноречию Сен-Пре и обличает его лицемерие (NH, I, XXIV, 130). Точно так же Карамзин обличает лицемерие Эраста.

¹¹ *Lettres sur les écrits de Rousseau*, p. 7.

¹² История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М—Л., 1958, стр. 631

Новый, психологический, метод — раскрытие внутреннего мира героев, субъективная идеализация изображаемых характеров, эмоциональная насыщенность содержания — был подсказан Карамзину прежде всего лирическим и сугубо психологическим романом Руссо. Из Швейцарии Карамзин перенес место действия в сельскую хижину и окрестности Подмосковья; французских героев — дворянку Жюли и ее учителя, плебея, — заменил подмосковной крестьянкой и русским баринном, но чувства и мысли Лизы и Эраста отражают противоречивые и сложные переживания Юлии и Сен-Пре.

Проблему социального неравенства влюбленных (препятствия к браку) Карамзин перенес в другую плоскость. У Руссо обольщенная героиня принадлежит к высшему классу, а герой — к низшему. Такое положение, сравнительно редкое в жизни, объясняется, возможно, личными переживаниями Руссо в роли секретаря-слуги у г-жи Варенс и его любовью к аристократке г-же д'Удето. Карамзин же поставил своих героев в более обычное положение: у него герой-соблазнитель принадлежит к высшему кругу, а героиня-жертва — к низшему. Но есть и другое различие между романом Руссо и повестью Карамзина. Трагедию своих любовников Руссо обосновал на их социальном неравенстве, в интеллектуальном же отношении они равны: оба принадлежат к верхнему слою культуры и образованности своего века. Все зло лишь в сословных предрассудках аристократического круга, разлучающих героя-плебея и героиню-аристократку. Карамзин же в «Бедной Лизе» отражает идеи Руссо о вреде цивилизации. Его Эраст — представитель цивилизации своего века со всею его испорченностью, а Лиза — дитя природы, простого народа, со всеми его достоинствами. Все зло лишь в развращенности нравов, которую цивилизация приносит с собою. Социальный конфликт у Карамзина затушеван. Есть еще одно существенное отличие в сюжете Карамзина. У него не героиня оставляет возлюбленного в силу социальной необходимости, как у Руссо, а любовник покидает ее — явление, более обычное в жизни. Поэтому и случайная смерть Юлии заменена здесь самоубийством Лизы — трагической развязкой, более естественной в положении покинутой. Но пруд и здесь играет роковую роль в смерти героини, как и у Руссо.

Несмотря на эти отличия, сюжет «Бедной Лизы» отражает в общем сюжетно-композиционные детали «Новой Элоизы». Здесь и взаимная любовь с первого взгляда, и свидания, роковой поцелуй в роще, обольщение, разлука, смерть героини. Последняя страница романа Руссо посвящена могиле Юлии,

у Карамзина — могиле Лизы, «близ пруда, под мрачным дубом».¹³

Карамзин применяет здесь и новые художественные приемы Руссо в раскрытии характеров героев и их переживаний. Характеристика их у Карамзина соответствует в общем характеру их прообразов: Юлии и Сен-Пре. Лиза нежная, чистая девушка с чувствительной, невинной душой. Эраст, с «изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным» (610) — родной брат Сен-Пре, тип привлекательного и опасного соблазнителя с тою разницей, что нежный Сен-Пре способен и на жертвы во имя любви, Эраст же — беспечный эгоист. Он также самоуверенно заблуждается насчет невинности своих чувств к Лизе, как и Сен-Пре в отношении к Юлии. Сен-Пре не желал быть в роли домашнего соблазнителя (*un séducteur domestique*), ни в роли Абельяра. Он жалеет Элоизу и осуждает Абельяра. Осуждая подобных Абельяру лицемеров, Сен-Пре проповедует Юлии преимущество возвышенной любви; он говорит об опасности обладания, которое ведет к взаимному презрению, но тут же рекомендует Юлии свободную любовь. Руссо обрывает красноречие своего лицемерного проповедника скептическим примечанием: «*Malheureux jeune homme! . . . Au lieu d'instruire, il corrompt; au lieu de nourrir, il empoisonne. . . On sent pourtant, qu'il aime sincèrement la vertu, mais sa passion l'égare; et si sa grande jeunesse ne l'excusait pas, avec ses beaux discours il ne serait qu'un scélérat*» (NH, I, XXIV, 130).¹⁴

Так же заблуждается насчет невинности своих чувств и Эраст. «Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. „Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям. . .“ „Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив“» (611, 614). По примеру Руссо и Карамзин обрывает невольное лицемерие своего героя таким же ироническим предупреждением: «*Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?*» (614). Такие лирические отступления Карамзина служат своего рода «музыкальным ключом», который придает рассказу «особую

¹³ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, стр. 620. — Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁴ «*Жалкий молодой человек!* Вместо того чтобы наставлять, он возвращает; вместо того чтобы питать, он отравляет. . . Чувствуется, однако, что он искренно любит добродетель, хотя страсть вводит его в заблуждение; и если бы его юность не служила ему извинением, он, со всем своим красноречием, оказался бы просто злодеем».

психологическую тональность».¹⁵ Но этот прием заимствован здесь Карамзиным у Руссо.

Оба героя — Сен-Пре и Эраст — проповедуют чистую любовь и кончают обольщением. Градация чувств от «страстной дружбы» к пагубной страсти проведена у Карамзина постепенно, как и у Руссо. Сначала любовники удовлетворяются прелестью невинной любви. Сен-Пре чистую любовь ставит выше наслаждений: «Vrai bonheur, gloir de ce qu'on aime, triomphe d'un amour qui s'honore, combien tu vauх mieux que tous ses plaisirs» (NH, I, V, 57).¹⁶ И Эраст «страстную дружбу невинной души» предпочитал наслаждениям. «С отвращением помышляя он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства» (614).¹⁷

Первый поцелуй у Руссо и у Карамзина является кризисом и предвестником пламенной страсти. Когда Юлия поцеловала Сен-Пре в роще, он почувствовал себя «воспламененным небесным огнем»: «Non, le feu du ciel n'est pas plus vif ni plus prompt que celui qui vint à l'instant m'embrasser» (NH, I, XIV, 94). И когда Эраст поцеловал Лизу, «вся вселенная показалась ей в огне горящего» (612). А клятва в верности, которую пожелала получить Лиза от Эраста («И ты можешь дать мне в этом клятву» (612)), — отголосок той клятвы, которую потребовала Юлия от Сен-Пре в присутствии Клары: «Jure moi donc, mon doux ami...»¹⁸ (NH, I, XXXV, 171). Оплакивая свое падение, Юлия взывает к Кларе, своему ангелу-хранителю: «Où étais-tu, ma douce amie, ma sauvegarde, mon ange tutélaire? Tu m'as abandonnée et j'ai péri»¹⁹ (NH, I, XXIX, 146). Сетования Юлии почти буквально повторил Карамзин: «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?» (615).

Сама природа и у Карамзина, и у Руссо осуждает падение героини. Юлии казалось, что вся вселенная упрекает ее за падение: «L'univers entier ne me reproche-t-il pas ma faute?»²⁰ (NH, I, XXIX, 147). Падение Лизы сопровождается грозой:

¹⁵ Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В его кн.: Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. Гослитиздат, М., 1959, 271—272.

¹⁶ «Истинное счастье, честь того, кого любишь, торжество любви, гордой своей чистотою, — сколь ты драгоценнее всех наслаждений».

¹⁷ Курсив Карамзина.

¹⁸ Клянись же мне, мой нежный друг... — Пушкин пародировал эти сентиментальные клятвы в «Барышне-Крестьянке»: Лиза Муромцева клянется «святою Пятницей».

¹⁹ Где же ты была, моя милая подруга, моя защитница, мой ангел-хранитель? Ты меня покинула, и я погибла.

²⁰ Вся вселенная укоряет меня за мой проступок.

«...казалось, что натура сетовала о потерянной лизинной невинности». Она боялась, чтобы гром не убил ее «как преступницу» (616). Любовники скоро перестают удовлетворяться «невинными ласками любви». Сен-Пре признается Юлии в странных капризах любви и ненасытности желаний, когда «неблагодарное сердце дерзает желать большего и когда ему уже нечего желать»: «*Quels sont, belle Julie, les bizarres caprices de l'amour!*» «*Ce coeur injuste ose desirer encore, quand il n'a plus rien à desirer*» (NH, I, VIII, 64). И Эраст в любви «желал больше и больше и, наконец, ничего желать не мог» (616). Обладание приводит Эраста к неизбежному кризису — охлаждению, потому что «исполнение всех желаний есть самое искушение любви» (616). О такой опасности и Юлия предупреждала Сен-Пре: «*Le moment de la possession est une crise de l'amour*»²¹ (NH, I, IX, 72). Но Руссо своевременной разлукой спасает своих любовников от охлаждения и окружает их ореолом мучеников любви. Его роман воспринимался как протест против насилия над чувством любви, а не как охранитель юности от соблазна и развращения. А Карамзин, развивая проблему Руссо, предоставил своим героям полную свободу и тем привел их к охлаждению — естественной развязке, обычной для «вульгарных любовников», чего более всего опасалась Юлия (NH, I, XXXII, 159). Поэтому в повести Карамзина нет ни протеста, ни бунта Руссо во имя прав сердца. Карамзин обличает только вред, испорченность современного цивилизованного человека в отношении к невинным «детям природы».

Природа играет важную роль у этого восторженного почитателя Руссо. Эраст мечтал найти в Лизе ту идиллическую любовь «в объятиях природы», о которой «он читывал» в романах и идиллиях, когда, «если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали» (610). Такие идиллические проекты лелеяла и Юлия — о любви на лоне природы, где не чувствуется рука человека, но только «нежные заботы всеобщей матери» (природы). Она мечтала о любви и встречах в простой хижине, на берегу реки, среди тенистых деревьев, лугов и прелестных рощиц, где протекают ручейки (NH, I, XXXVI, 177). Ее сентиментальные мечты отразил Карамзин в «Бедной Лизе». Он создал своим любовникам такую же идиллическую декорацию: «Эраст и Лиза всякий вечер виделись... или на берегу реки, или в березовой роще, но всего

²¹ Миг обладания — кризис любви.

чаще под тенью столетних дубов (в саженях восьмидесяти от хижин)» (613).

Важную роль в «Бедной Лизе» играет пейзаж (описание окрестностей Москвы, мест свидания героев и пр.). «Он оттеняет и усиливает» основное настроение произведения, «передает его лирический подтекст». «Эти пейзажные описания и лирические отступления, раскрывающие внутренний „подтекст“ повести», «впервые были введены Карамзиным в русской литературе». ²² Но и это новаторство Карамзина (лирический пейзаж) идет от Руссо, который считался мастером пейзажной живописи. Его «„Новая Элоиза“ занимает выдающееся и, можно сказать, основополагающее место в эволюции чувства природы и ее изображения в искусстве». ²³ «Руссо вводит в литературу лирический пейзаж, согласующийся с чувствами героев, с их воображением и изменчивым душевным состоянием». ²⁴

Переживания влюбленных у Карамзина сливаются с природой в полной гармонии, как и у Руссо. Влюбленный Сен-Пре в счастье своем находил и природу — ее зелень, небо, пение птиц и запахи цветов — более прекрасными, чем обычно: «Je trouve la campagne plus riante, la verdure plus fraîche et plus vive; l'air plus pur, le ciel plus serein; le chant des oiseaux semble avoir plus de tendresse et de volupté; le murmure des eaux inspire une langueur plus amoureuse; la vigne en fleurs exhale au loin de plus doux parfums» (NH, I, XXXVIII, 183). ²⁵

Такое же слияние с природой испытывает и опьяненная любовью и счастьем Лиза: «Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не пели, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» (613).

В повести Карамзина отразились сюжетно-композиционные детали романа, характеры и переживания героев Руссо, его идеи о свободе и правах сердца, о противоречиях между добротелью «детей природы» и испорченностью цивилизованного класса. Но значение Руссо для Карамзина не только в этом. Оно гораздо глубже. Карамзин был новатором в отечественной

²² История русской литературы, т. I, 1958, стр. 632.

²³ Ж.-Ж. Руссо, Избранные сочинения, т. 2, стр. 738.

²⁴ Там же.

²⁵ Я нахожу сельскую местность более веселой, зелень свежее и ярче, воздух чище, небо яснее; пение птиц кажется нежнее и страстнее; журчанье вод внушает любовное томление; виноградник в цвету распространяет нежнейшее благоуханье.

литературе. Новое литературное направление — сентиментализм — и новый литературный жанр — психологическая новелла — требовали от писателя и новых художественных приемов и новых «чувствительных» средств для выражения всей сложности внутреннего мира героев. Эти приемы и средства Карамзин нашел у Руссо в экзальтированном красноречии и лиризме «Новой Элоизы», в сложной и противоречивой психологии его героев. «Новая Элоиза» была для Карамзина такою же школою нового эмоционального и психологического направления и стиля, какою она была и для писателей Запада. Но Карамзин не был «подражателем». Пропагандируя идеи и художественные методы Руссо, он в то же время создавал «русскую повесть», отмеченную национальным своеобразием и печатью его личной творческой индивидуальности, его личными новаторскими приемами, усвоенными от него Пушкиным и позднейшей нашей литературой.²⁶

---

²⁶ См.: Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII в., стр. 262—300.